

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ОПТИКЕ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

DOI 10.15826/koinon.2021.02.1.001

УДК 578.834.1SARS-Cov- 2 + 616-036.2 + 14(091) + 316.42

ПАНДЕМИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ ДИАГНОЗ

М. Н. Эпштейн

Университет Эмори
Атланта, США

Аннотация: Событие пандемии исследуется в трех аспектах: метафора нашей эпохи, проблема этики, новая фаза антропогенеза. Как метафора эпохи пандемия предстает в образе Беликова (А. Чехов «Человек в футляре»): форме биофобии и социофобии, растущей стерильности контактов, общения на расстоянии, закрытости и приоритете упаковок (покрытий) перед процедурами открытости, обнаженности, слияния. Констатируется изменение в жанрах: детектив как жанр, основанный на разоблачении и снятии покровов тайны, наказании преступления, уступает место жанру протектива (от *protegere*: закрываться, натягивать покров, заслоняться щитом). Протектив — это жанр предотвращения катастрофы, защиты от преступления, уже ставшего нормой, — опыт выживания на пределе. Возникает *homo tegens*, «человек облекающий», набрасывающий покровы на все, в том числе и на самого себя. Пандемия как проблема этики ставит множество этических вопросов и выборов (между утилитаризмом и эгалитаризмом, принципами «не делать плохого» и «делать хорошее»). Пандемия как начало новой фазы антропогенеза демонстрирует превращение человека лазающего и прямоходящего в человека сидящего (перед экраном) — *Homo Sedens*. С развитием цивилизации и с переходом к умственному труду и сидячему образу жизни все больший перевес получают органы зрения и слуха — дистанционные органы восприятия и в этом смысле отвечающие требованиям социальной «дистанции»

© Эпштейн М. Н., 2021

и «самоизоляции», которые благоприятствуют сохранению человека как вида. Физическая чувствительность и тактильность в культуре Нового времени парадоксально связана с изменением понятий «такт» и «тактичность», с умением соблюдать дистанцию, не навязывать другому человеку своих мнений. Следствие пандемии прогнозируется как передвижение фронта цивилизации вглубь виртуальных миров. Глобализация переходит из экстравертной стадии в интровертную. Делается вывод о том, что, столкнувшись с общей опасностью, не делающей национальных, этнических, религиозных различий, человечество становится конкретной реальностью, которая раньше ощущалась смутно.

Ключевые слова: пандемия, биофобия, социофобия, социальная дистанция, утилитаризм в этике, эгалитаризм в этике, интровертная культура.

Для цитирования: Эпштейн М. Н. Пандемия: философский диагноз // Koinon. 2021. Т. 2. № 1. С. 20–37. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.001

THE PANDEMIC: A PHILOSOPHICAL DIAGNOSIS

M. N. Epstein

Emory University
Atlanta, USA

Abstract: The paper examines the event of the pandemic in three aspects: a metaphor of our age, an issue of ethics, a new phase of anthropogenesis. As the metaphor of the era, the pandemic stars as Belikov (A. Chekhov's The Man in the Case): the form of bio-phobia and socio-phobia, the growing sterility of contacts, socializing over distances, closeness, and the priority of packaging (covers) before the procedures of openness, nudity, fusion. There appears a change in genres: the detective as a genre based on the revelation and removal of a shroud of mystery, the punishment of crime, gives way to the genre of the protectIva (from protegere: to shroud, to pull the veil, to shield). The protective is a genre to avert a catastrophe, protect against crime that has already become a norm, — the experience of survival on edge. There emerges homo tegens, “man who enclothes”, who pulls a veil over everything including himself. The pandemic as an issue of ethics poses a multitude of ethical challenges and choices (between utilitarianism and egalitarianism, the principles of “not doing bad things” and “doing good”). The pandemic as the dawn of a new phase of anthropogenesis demonstrates the transformation of a man climbing and walking upright into a man sitting (in front of the screen) — Homo Sedens. With the development of civilization and the transition to intellectual work and a sedentary lifestyle, sight and hearing gain superiority. These organs are of remote perception, and in this sense, they meet the requirements of social distance and self-isolation that favour the preservation of man as a species. Physical sensitivity and tactility in the culture of Late Modern

times have a paradoxical linkage with a change in the concepts of tact and decorum, with the ability to keep a distance, not to impose their views on another person. The author expects the consequence of the pandemic to be the movement of the frontier of civilization deep into the virtual worlds. Globalization is moving from an extroverted stage to an introverted one. The author concludes that when faced with a common danger that does not make national, ethnic, or religious distinctions, humankind becomes a concrete reality that one used to feel vague.

Keywords: pandemic, biophobia, social phobia, social distance, utilitarianism in ethics, egalitarianism in ethics, introverted culture.

For citation: Epstein, M. N. (2021), "The Pandemic: A Philosophical Diagnosis", *Koinon*, vol. 2, no. 1, pp. 20–37 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.001

1. Пандемия как метафора нашей эпохи

Каждой эпохе соответствует определенный тип болезни. Болезнь — явление не только физиологическое, но и моральное и историческое. Вот как пастернаковский доктор Живаго, страдающий от склероза сердечных сосудов и умирающий от инфаркта, объясняет природу этой болезни: «В наше время очень участились микроскопические формы сердечных кровоизлияний... Это болезнь новейшего времени. Я думаю, ее причины нравственного порядка. От огромного большинства из нас требуют постоянного, в систему возведенного кривоизлияния... Наша нервная система не пустой звук, не выдумка. Она — состоящее из волокон физическое тело...»

Среди огромного множества недугов можно выделить эпохальные: болезни-эмблемы, символы. Чума — и Средние века. Сифилис — и Ренессанс. Туберкулез (чахотка) — и XIX в. Рак — и XX в. СПИД — и конец XX в. Например, чума символизирует средневековую культуру и раскрывает ее смысл не менее ярко, чем крестовые походы, трубадуры и карнавалы... Чума — абстрактна, как схоластика, она постигает человека за неведомые ему грехи, тогда как сифилис — ужасающе конкретен, как тяга ренессансного индивида ко всему земному. Все это не просто болезни, но метафоры определенной эпохи и состояния общества¹.

В этом смысле ковид-19 — это метафора нашего времени. Еще задолго до пандемии быстро росло биологическое отчуждение в западном и особенно американском обществе, которое становилось все стерильнее. Все меньше

¹ См., в частности, характерное для Солженицына сравнение коммунистической системы, и особенно ГУЛага, с раком, дающим метастазы. Сьюзен Сонтаг в своих книгах «Болезнь как метафора» (1978) и «СПИД и его метафоры» (1989) приводит множество примеров метафоризации и символизации рака и СПИДа, хотя сама призывает к медицинско-прагматическому пониманию этих болезней.

людей непринужденно и естественно касаются друг друга, разговаривают друг с другом, потому что там, где личности соприкасаются, они нарушают границы частного пространства, что дает повод к обвинениям и подозрениям. Намного легче общаться на расстоянии, через телефоны и компьютерные сети. Впрочем, даже звонок по телефону в наши дни считается уже не вполне личным вторжением в частную сферу, если он заранее не согласован, — все-таки это живой голос, желательно его предварить или заменить электронным сообщением. Люди окукливаются в своих электронных оболочках. Человек становится подозрителен, опасен, потому что он не так предсказуем и управляем, как механизм. Вообще физическая реальность, по растущему контрасту с виртуальной, где каждый волен сам себе выбирать удобное окружение, все больше воспринимается как зона дискомфорта. Даже если технический разум еще не утвердился целиком в современном обществе, он дает знать о своем торжестве «от обратного» — через неприязнь и подозрительность ко всему живому. Этот комплекс можно назвать *биофобией*. От живого не знаешь, чего ожидать, особенно от самой своенравной и свободолюбивой формы жизни — человеческой². Животные и особенно растения в этом смысле гораздо предпочтительней: можно вынести рядом с собой орхидею или кота, но человека — гораздо труднее.

Биофобия проявляется многообразно. Например, растет число асексуалов, предпочитающих вообще избегать этой чересчур интимной стороны жизни или вступать во взаимодействие с механизмами. Среди молодежи во всем мире стал популярен японский термин «хикикомори». Подростки, называющие себя «хикки», стараются максимально изолировать себя от общества, исключить все социальные связи, по возможности не покидая собственной комнаты. Категорический отказ от любых контактов с людьми — тревожный признак биофобии и социофобии. Причем многие «хикки» доживают до среднего возраста, так и оставаясь на попечении своих родителей и замыкаясь в своих квартирах. Всякая инаковость возмущает, приводит к неврозам. Кто-то не готов к общению, а кто-то слишком настойчив. Кто-то слишком хмур, а кто-то слишком много смеется. Кто-то ведет себя манипулятивно, а кто-то абьюзивно. Людям тяжело выносить присутствие друг друга. Они становятся все нарциссичнее, а окружающий мир все непереносимее.

Знаменательно, что рост биофобии и социофобии совпал с распространением электронных способов коммуникации — или дисккоммуникации, когда человек просто погружается в виртуальные миры, игры, сериалы. И не случайно ужесточение правил против харассмента приходится на 1990-е гг., когда стала стремительно расширяться сфера Интернета, где люди благополучно обходятся

² Вспоминается голос из Достоевского: «Мы даже и человеками-то быть тяготимся, — человеками с настоящим, *собственным* телом и кровью» («Записки из подполья»).

без физических контактов, все более трудных и досадных по контрасту со стерильностью экранной среды. Электронный мир стал психологически удобнее, привлекательнее для человека — и общество не замедлило отреагировать устроением этикета.

Нашествие вирусов заострило эту биофобию, хотя сами вирусы, как известно, это не живые организмы — они становятся таковыми, лишь проникая в организм своей жертвы. Но коронавирус в современном восприятии знаменует опасность жизни вообще: опасность человеческого дыхания и прикосновения, опасность воздуха, замкнутых пространств, любых поверхностей, которых касалась рука человека. Нужно держать дистанцию и загоразживаться масками, перчатками, очками или прозрачными щитками, а лучше вообще не выходить из дому.

Сегодня по-новому перечитываются даже до скуки знакомые хрестоматийные тексты. Например, чеховский Беликов, «человек в футляре», всегда воспринимался как воплощение убожества и пошлости, разрушитель живых общественных связей. «У этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой...» Темные очки, фуфайка, вата в ушах, пальто на вате, калоши и зонтик даже в хорошую погоду, и все вещи, включая часы и перочинный ножик, — в чехлах. Но если Беликову добавить маску и резиновые перчатки, то получился бы в высшей степени **биокорректный** гражданин, *положительный представитель коронавирусной эпохи*. Современный Беликов — герой самоизоляции, подающий пример гражданской сознательности и ответственности. Он не вызывает ничего, кроме уважения, ибо, изолируя себя от мира, тем самым изолирует мир от себя.

Или жена деревенского старосты Мавра в зачине того же чеховского рассказа — «в последние десять лет всё сидела за печью и только по ночам выходила на улицу». Заметим: по ночам, когда риск нарушить социальную дистанцию и заразиться от прохожего минимален. Очень предусмотрительная, социально вмняемая женщина. То, что в прежние времена выступало приметой жесточайшей социопатии и мизантропии, сегодня становится чуть ли не образцом разумного эгоизма и достойного служения благу человечества.

Странным образом меняется и даже переворачивается вся иерархия ценностей. Мне кажется, выдыхается жанр детектива, созданный Эдгаром По всего 180 лет назад, не так уж и давно по историческим меркам. Пара «преступник и сыщик» была глубоко значима для эпохи индивидуализма и рационализма, когда силы общества уходили на борьбу со злодеями, втайне подрывающими его устои. Сейчас не до этих частных аномалий, нарушающих сравнительно гладкий ход общественной жизни. Вирусы — порождение нашей же планеты, и не они ли — самые жизнеспособные ее детища, вопреки тому, что мы возомнили о себе? (Страшный вопрос.) Инфекционный агент более опасен и всепроникающ, чем Джеймс Бонд.

Рис. 1. Кукрыниксы. Иллюстрация к «Человеку в футляре».
Fig. 1. Kukryniksy. The Illustration to “The Man in the Case”.

Источник: [Кукрыниксы 1954]

Детектив готов уступить место другому жанру, который можно назвать **протективом**. Если «детектив» — от латинского *detegere*, разоблачать, снимать покров, то «протектив» — от противоположного по смыслу *protegere*: закрываться, натягивать покров, заслоняться щитом. Как защититься от всеобъемлющей опасности, какую маску надеть, какую крепость построить? Если детектив — это расследование совершенного преступления, то протектив — это жанр предотвращения катастрофы, защиты от преступления, уже ставшего нормой, — опыт выживания на пределе.

У этого жанра — почтенная история, гораздо более древняя, чем у детектива, и восходящая к Библии. Ноев ковчег, вообще мотив построения ковчега и спасения в нем, — вот прообраз ситуации, которую мы переживаем сейчас, пытаясь собрать в наши дома все, что нужно для многодневного, а возможно, и многомесячного пребывания в спасительном заточении. Как известно, наводнение длилось 40 дней, после чего воды подняли ковчег, все живое на земле погибло, остался лишь Ной и его спутники, — и только спустя 150 дней вода стала убывать. Похоже, нам приходится рассчитывать на столь же долгую осаду («до конца года», а то и «до лета 2021 г.», как предсказывают эксперты), пока не прилетит голубь с вакциной в остром клюве и не сделает нам укол. Правда, после потопа Ной прожил еще 350 лет и умер в возрасте 950-ти: это дает нам надежду, что наряду с вакциной будет изобретен и какой-нибудь радикальный способ продления жизни.

Протектив может быть экологическим, психологическим, бытовым, апокалиптическим. Там, где появляется защитная оболочка, покров, отчаянная надежда заслониться и укрепиться, заткнуть все прорехи, — там протектив. «Робинзон Крузо» Дефо, «Шинель» Гоголя, «Пещера» Замятина, «Защита Лужина» Набокова, «Цвет из иных миров» Лавкрафта, «Человек-ящик» Кобо Абэ — все это в разном смысле протективы. Защита от стихий, от стужи, от метеорита, от космоса, от агрессии, от революции, от утопии, от таинственных врагов и непостижимых опасностей, от внешнего мира как такового. Этот жанр, по сути, не менее захватывающий, чем детективный или приключенческий. Сумеет ли герой выстроить защиту, спрятаться в нору, забиться в щель?

Как ни грустно, будущее цивилизации в результате коронавирусного испытания — это, скорее всего, умножение слоев и покровов, торжество футлярности. Такой императив, конечно, противоречит романтическим идеалам, революционным и тоталитарным утопиям всеоткрытости, полного обнажения, слияния тел и душ. Но ведь и по сути человек, как создатель и создание культуры, — это существо закрытое, и маска приросла к его лицу, как вторая кожа. Человек не ограничивается покровом, данным ему от природы, но создает многослойную систему «покрывающих друг друга покровов», которую мы и называем цивилизацией. Сюда входят покровы первого уровня — одежда; второго — жилище; третьего — искусственная среда обитания, деревня, город... Этой многослойностью своего цивилизационного кокона человек отличается от других живых существ. У человека много разных определений: *homo sapiens*, *homo faber*, *homo politicus*, *homo ludens* — человек «мыслящий», «общественный», «играющий», «создающий орудия труда». К ним можно добавить и *homo tegens* — «человек облакающий», набрасывающий покровы на всё, в том числе и на самого себя.

Человек — самое «сокровенное» из всех существ, и наслаивание оболочек свидетельствует о глубине тех тайн, которые он в себе скрывает. Вот почему

наибольшее количество одеяний — у служителя «тайного тайных», священника. Для свершения таинства он покрывает себя несколькими слоями одежды, каждый из которых имеет свой символический смысл. В православной церкви священник и дьякон надевают на себя подрясник, рясу, стихарь (подризник), епитрахиль, поручи и фелонь (накидку). Епископ облачается в саккос, палицу, омофор, панагию и митру. Эта традиция восходит к ветхозаветной религии и связана с устройством «тайного тайных», где хранился ковчег со скрижалями завета. «Вот с чем должен входить Аарон во святилище... Священный льняной хитон должен одевать он, нижнее платье льняное да будет на теле его, и льняным поясом пусть опоясывается, и льняной кидар надевает: это священные одежды» (Левит, 16:3–4). В этом широчайшем контексте и Беликов может восприниматься как служитель культа если не Бога, то его подобия, требующего всемерной самоизоляции и упорной аскезы.

Собственно, первым актом после грехопадения человека было его облачение в «одежды кожаные», под которыми часто понимается сама плоть, надетая на душу как знак ее уплотнения и изгнания из рая. Видимо, не случайно и то, что первый город — «одежда каменная» — был построен Каином, первенцем первородного греха, который в свою очередь совершил первый грех человекоубийства и братоубийства («и построил он город» — Бытие, 4:17). Грех отделяет человека от мироздания, вызывая цепную реакцию укрытий и облачений, начиная с кожи и кончая городом и государством.

Как только у человека возникает стыд наготы и потребность покровов, так они начинают множиться и воспроизводиться на все новых уровнях. Эта почти маниакальная страсть — универсальная *беликовщина* — стала одним из мотивов современной культуры, которая придает упаковке самоценность. Например, постмодернизм есть самосознание культуры как бесконечной серии таких полых упаковок, вложенных друг в друга: *пак-культура* (pack-culture). Художник Христо (Явашев), облакающий целые здания в ткани, фольгу, полиэтилен, легкий металл, хорошо имитирует эту безграничную множимость оболочек, присущую культуре как таковой, — точнее, человеку как *одетому* существу (одетому изначально в свое тело, а затем и во все остальное). Христо прославился тем, что в 1985 году упаковал в бежевую ткань парижский мост Пон Неф, а в 1995-м покрыл серебристой металлической оболочкой берлинский Рейхстаг. Он также упаковал здания в Берне, Чикаго и Сполето. Искусство Христо имеет дело с предельным выражением *homo tegens* — с теми ультра-современными оболочками, которые за тысячелетия цивилизации выросли на первую оболочку Адама.

Сейчас пандемия подводит нас к стремительному возрастанию подобной «упаковочности» («искусство — в жизнь!»). Одно из основных занятий в нынешнем обиходе — натягивать маски, перчатки, очки, прозрачные щитки и очищать все поверхности, включая доставленные на дом товары, покрывая

их упаковки дополнительным слоем стерильности, протирая дезинфицирующими растворами, салфетками и т. п.

Проблема упаковки — футляра и футлярности — важна для России, где исторически не выработалось достаточно средств для защиты человека от сурового природного и социального климата и широко распахнутого простора. Более того, сложилась мораль осуждения всяческих чехлов и покровов. Им противопоставляются удаль и раздолье, не терпящие никаких защитных оболочек, «изоляций». Российским архетипом стало «срывание всех и всяческих масок» (Ленин о Л. Толстом) и разоблачительное чеховское понимание «человека в футляре» как душителя своей и чужой свободы. Но у современного читателя, торопящегося натянуть на себя маску, «человек в футляре» может вызвать скорее сочувствие, чем неприязнь. Примечательно, что сам Чехов применил к себе этот образ — уже после публикации рассказа: «Ноябрьские ветры дуют неистово, свистят, рвут крыши. Я сплю в шапочке, в туфлях, под двумя одеялами, с закрытыми ставнями — человек в футляре» (письмо к М. П. Чеховой, 19 ноября 1899 г.).

В наши дни «Человек в футляре» читается как грустная и язвительная притча о человеке, которому вдруг открылась собственная незащищенность. Все, чем современный, технически сверхоснащенный человек привык себя окружать, все линии обороны прорваны ковидом-невидимкой. «Венец всего живущего», как называл человека Гамлет, должен преклониться перед носителем *другой короны*.

Вирусы чаще всего характеризуются как «организмы на границе живого»: у них есть одни признаки жизни и отсутствуют другие. Глубокая ирония состоит в том, что для сопротивления этим «полуживым» нам самим приходится жертвовать своим жизненным пространством. Не есть ли «беликовщина», как ни прискорбно это осознавать, — естественная форма выживания и самосохранения человека в мире микроскопически малых, почти как молекулы, носителей смерти?

Можно предвидеть, что со временем угрюмые маски и тупорылые респираторы сменяются разноцветными и разнофасонными личинами, которые, в дополнение к защитным, приобретут множество других, знаковых функций: коммуникативных, профессиональных, даже эротических. Но вряд ли цивилизация, вобравшая в себя новый протективный слой, совсем он него откажется: скорее, творчески преобразит. И тогда Беликов станет восприниматься не только как сатира на удушающую казенщину конца XIX в., но, быть может, и как провозвестник эпохи самоизоляции XXI в., — первопроходец новых путей к спасению человечества.

Таким образом, XXI век психологически и социально подготовил людей к самоизоляции еще до того, как на них набросился коронавирус. Это болезнь эпохальная, символизирующая дух своего времени, точнее, сам дух

времени — дисконтактности, дистанции, аутичности — приобретает форму болезни. В этом смысле ковид-19 — именно та болезнь, которую человечество «выстрадало» за последние десятилетия.

2. Пандемия как проблема этики

Пандемия ставит множество этических проблем, причем не умозрительных, а насущных, которые приходится решать каждый день и даже каждую минуту. Например, медицинская сортировка, или триаж, — отбор тех больных, которым нужно в первую очередь оказывать помощь в условиях дефицита врачей и оборудования. Как решить, кого спасать, кому предоставить прибор искусственного дыхания, а кого обречь на смерть? Моральный долг врача, как он обычно понимается, обращен к каждому отдельному индивиду: сделать все необходимое для его исцеления. Это отношение один на один. Но когда больных сотни и тысячи, как во время войн и эпидемий, начинает действовать другая, *экстремальная* этика, которая кажется чудовищной с точки зрения обычных нравственных норм. Приходится сознательно и целенаправленно предоставлять одних агонии и смерти, чтобы излечить других. Какими критериями руководствоваться?

В нью-йоркских больницах, задыхающихся от наплыва коронавирусных больных, используется система баллов, определяющая приоритетность пациента исходя из того, сколько лет жизни (life years) может подарить ему интенсивная терапия (в соотношении с продолжительностью лечения). Идут в расчет общее состояние, возраст, наличие сопутствующих заболеваний (диабета, астмы и пр.). Если лечение может продлить жизнь одного пациента на 5 лет, а другого — на 3, то ограниченные ресурсы предоставляются только первому. Молодой и в целом здоровый человек оказывается в выигрышном положении по сравнению со старым и больным. Конечно, если молодой человек алкоголик или наркоман, то баллы у него вычитаются. Все происходит по известной евангельской притче: «Кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф, 13:10).

Есть и другая этика. В штате Джорджия и городе Атланте, где я живу, катастрофически не хватает тестов на вирус. Но здесь порядок предпочтений совсем иной. В первую очередь к тестированию, а значит, и к дальнейшим медицинским процедурам допускаются лица из группы наибольшего риска — обитатели домов престарелых, инвалиды, т. е. наиболее слабые, уязвимые категории граждан.

Какая система более справедлива — ориентированная на самых сильных или самых слабых? Первая воплощает *утилитаризм*, направление в этике, для которого высшая ценность — дать наибольшее счастье (а значит, и здоровье) наибольшему числу людей. Одни и те же ресурсы, если распределить их между

самыми «излечимыми», могут продлить жизнь большего числа людей на большее число лет. Вторая система — *эгалитаризм*: предоставить всем равные условия для выживания и благоденствия, а значит, проявить больше заботы о тех, кто больше всего нуждается, т. е. выравнять доступ к благам медицины за счет преимущественной помощи наименее защищенным, компенсируя лечением их физическую недостаточность.

Есть еще ряд критериев, усложняющих эти системы. Например, с точки зрения утилитаристской этики, медицинская полезность, т. е. объем продленной физической жизни на единицу затраченных ресурсов, может дополняться социальной полезностью. В первую очередь помощь должна оказываться тем, кто сам оказывает помощь, — заразившимся врачам, сестрам, санитарам, а также работникам спасательных служб. Поскольку они спасают других людей, они заслуживают приоритетного лечения, которое тем самым умножит благотворное действие медицины: вылечишь врача — вылечишь всех его будущих пациентов. Против такого расширения утилитаризма трудно спорить.

Но что если социальную полезность рассматривать еще шире, не ограничиваясь медициной и физическим выживанием, но имея в виду благо цивилизации и всего человечества? Политик, ученый, инженер, филантроп, артист — люди с огромным социальным капиталом, доказавшие всей жизнью свою полезность обществу. Не должны ли и они попасть в приоритетную группу, поскольку, помогая им, мы помогаем себе, обеспечиваем социальное, экономическое, научно-техническое, художественное развитие цивилизации в поствирусную эру? Кого лечить: молодого человека без образования, водителя или разносчика пиццы, — или всемирно известного деятеля науки или культуры, способного и в дальнейшем принести огромную пользу человечеству?

Очевидно, именно в этом вопросе утилитаризм особенно остро противостоит эгалитаризму, который усваивает некоторые черты и христианской, и марксистской этики, обращенной к бедным и угнетенным как к «соли земли»: именно они наследуют либо царство небесное, либо царство земного изобилия. Потому эгалитаризм и требует в первую очередь спасти слабых, пренебрегая сильными и здоровыми, которые сами о себе позаботятся. Утилитаризм, напротив, исходит из того, что здоровым (в том числе молодым) и сильным (в том числе профессионально полезным и социально значимым) нужно помогать в первую очередь, поскольку от их выживания зависит благополучие и всех остальных. Усилия медиков должны быть направлены на укрепление тех приоритетов, которые обозначились в самом бытии природы и общества, а не опрокидывать их в пользу слабых и бедных. В каком-то смысле здесь проглядывает разница идейных установок американских республиканцев и демократов, хотя однозначно политизировать этику было бы неправильно.

А вот еще одна ситуация. В больницу привозят двадцать молодых людей с тяжелой формой коронавируса, а аппаратов искусственного дыхания — всего

пять. Кого из них спасти? Помощь оказывается по мере поступления больных, даже если разница определяется секундами. Порядок может быть случайным: санитары замешкались у подъезда, скорая застопорилась в потоке машин... Но другого порядка не дано. Случай становится судьбой. Если же несколько пациентов прибыли одновременно, вопрос жизни и смерти, увы, решается бросанием жребия. Это тоже предусмотрено в рекомендациях по медицинской этике.

Эта нравственная дилемма не сегодняшняя, она мучила еще А. П. Чехова как врача во время эпидемии холеры 1892 г. Он писал: «Способ лечения холеры требует от врача прежде всего медлительности, т. е. каждому больному нужно отдавать по 5–10 часов, а то и больше. <...> Положение мое будет глупее дурацкого. Пока я буду возиться с одним больным, успеют заболеть и умереть десять» (А. С. Суворину, Мелихово, 16 августа 1892 г.). Если начать действовать сверхактивно, т. е. лечить всех по несколько минут, то все и умрут. А с должным усердием вылечишь одного — умрут остальные. И кого в первую очередь лечить — самых безнадежных (без помощи точно умрут) или обнадеживающих (а вдруг сами выживут)?

Здесь встает вопрос, далеко выходящий за пределы медицины. Этика, в простейшем определении, — наука о том, что такое хорошо и что такое плохо. Два главных и взаимно дополняющих принципа морали: не делать плохого и делать хорошее. Не причинять вреда и приносить пользу. Но что если эти принципы вступают в противоречие?

Допустим, в распоряжении врача есть доза лекарства, необходимая для излечения одного тяжело больного. Но если ее разделить на пять частей, можно будет вылечить пятерых пациентов, которые находятся на более ранней стадии болезни и нуждаются в меньших дозах. Очевидно, что в данной ситуации этически оправдано использование лекарства для спасения большего числа жизней. При прочих равных условиях лучше помочь пятерым, чем одному.

Но доведем ситуацию до логического предела. Представим пятерых больных, у которых отказали жизненно важные органы: печень, почки, сердце, легкие, поджелудочная железа. Позволено ли убить одного здорового и разъять его тело на органы, чтобы пересадить их пяти больным и тем самым их спасти? Очевидно, это противоречит моральной интуиции большинства людей. Иначе было бы этично создать бизнес по умерщвлению здоровых и использованию их органов для помощи больным. Оказывается, что «не навреди» весомее, чем «помоги».

Почему же этично излечить пятерых больных за счет одного, при этом допуская, что он умрет, — но не этично убить одного ради выживания пятерых? Дать умереть, т. е. передать бытию право решать, — не то же самое, что убить, т. е. самому оборвать чужую жизнь. Действует критерий: лучше

не сделать доброе, чем сделать злое. Предоставить действительности право решать — и не брать на себя ответственности за жизнь, созданную не тобой.

Значит, между этими двумя принципами нет полной симметрии. Не по этой ли причине из десяти библейских заповедей только две сформулированы положительно, как призыв к действию (помнить субботу и почитать родителей), а восемь — отрицательно: «не делай» (не сотвори кумира, не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй...)? Почему НЕ делать плохое предписывается чаще, чем делать хорошее, и непричинение вреда важнее, чем принесение пользы?

Я вижу два возможных объяснения: богословское и философское. Первое состоит в том, что на человеке лежит первородный грех и то, что от него исходит стихийно, по инстинкту, — это зло, поэтому главная задача морали — предотвратить вредное воздействие, наложить запрет. Пока человек не согрешил и не был изгнан из рая, заповеди были положительными: плодиться, размножаться и давать имена всему сущему.

Второе объяснение, философское, по сути не противоречит первому. Бытие, как оно складывается независимо от нас, обладает некоторым приоритетом перед нашей волей. То, что уже существует, содержит в себе основание для своего бытия. Поэтому наша первая забота — не ухудшать то, что есть, и только вторая — улучшать. Такова моральная интуиция. Мир создан не нами, мы пришли в него после миллиардов других, и прежде всего нужно уважать ту волю, которая уже действует в нем. И лишь потом прилагать к нему волю, которая действует в нас.

Назовем это *приоритетом бытия в этике*, или *бытийной постоянной*, которая чуть-чуть искривляет пространство этики в пользу «не навреди». Это же дает консерватизму минимальный перевес над реформизмом — подчеркиваю, *минимальный*. Как известно, для Гегеля все действительное было разумным, а все разумное действительным. Но одинаков ли вес этих двух тезисов — или первый весомее второго? Действительность как точка отсчета обладает некоторой привилегией перед действием, даже вполне разумным. Нужно признать действительность чуть более разумной, нежели разум — действительным и, соответственно, требующим действия. Иными словами, деонтология, учение о должном, зависит от онтологии, учения о бытии.

3. Новая фаза антропогенеза.

Как меняется природа человека в период пандемии

Пандемия — это новый, уникальный опыт в истории, когда человечество впервые осознает себя таковым — не абстрактным понятием, а целостным живым организмом, который отчаянно борется с нашествием микроорганизмов. Значимость этого события, на мой взгляд, выходит за рамки истории

и принадлежит более масштабному процессу — антропогенезу, формированию человека как вида. Пока что рано судить об этом с точки зрения строгой науки, поэтому рискну выдвинуть ряд вольных гипотез.

О том, что биологическая эволюция человека уступает место социокультурной, антропологи говорят уже много десятилетий, а в XXI веке обозначился новый вектор этого процесса — электронно-сетевой. Виртуальность в последние годы все больше поглощала реал, и требовался только сильный толчок, смертельная угроза из самого реала, чтобы цивилизация стала стремительно переселяться в онлайн: политика, бизнес, производство, торговля, услуги, культура, образование, даже спорт... Это сильнейший и, возможно, решающий удар по медленной биологической эволюции — и невероятное ускорение технической и интеллектуальной.

По одной из основных версий антропогенеза, в эпоху миоцена глобальное похолодание вытеснило тропические леса саванны и прогнало приматов с деревьев на землю, что, собственно, и поставило их на ноги, освободило руки, позволило изготавливать орудия труда и превратило в «человека разумного». Теперь вирусы прогоняют человека из биосферы, запуская новый виток эволюции в ноосфере. Человек из лазающего и прямоходящего превращается в человека сидящего (перед экраном) — Homo Sedens.

С развитием цивилизации и с переходом к умственному труду и сидячему образу жизни все больший перевес получают органы зрения и слуха. Через них проходит основной информационный поток, что выделяет человека среди других видов, более зависимых от непосредственного контакта с физической средой. Зрение и слух — дистанционные органы восприятия, и в этом смысле они отвечают новейшим требованиям социальной «дистанции» и «самоизоляции», которые, вследствие преимущественного развития этих органов, благоприятствуют сохранению человека как вида. Они не требуют прямого физического контакта и поэтому оказываются эволюционно выигрышными в условиях пандемии. Легко представить такой шуточный, но по сути правильный лозунг: «Глаза и уши — лучшие противовирусные средства». Зрение и слух оперируют условными символами, опосредованными знаками: именно поэтому есть искусства речевые, звуковые, изобразительные (литература, музыка, живопись, кино и т. д.) — и практически нет искусств, основанных на трех других видах ощущений. Собственно, культура, как таковая, отдает приоритет «удаленке» в самом физиологическом аппарате человека.

Да и вкусовые, обонятельные, осязательные ощущения со временем поддадутся трансляции в развитых нейросетях и будут выводиться на терминал. Пока же можно обойтись не слишком необременительной чувственной аскезой. Вот мы собрались на зум-вечеринку, разговариваем, смотрим друг на друга, выпиваем, закусываем... Чего, собственно, не хватает? Рукопожатия при встрече? Аромата духов от собеседниц? Такая ли уж большая потеря?

Вообще, традиционно считается, что тактильность относится к самым примитивным формам коммуникации. «Передача информации посредством осязания становится все менее существенной в ходе человеческого развития — онто- и филогенеза. В культуре прикосновение не только имеет ограниченный коммуникативный потенциал, но также и репрессируется нормами разных обществ» [Nöth 1995, p. 407]. Тактильность глубоко архаична и магична. Издревле прикосновение составляло чувственную основу магии и священных символических действий — клятвы, присяги. Отсюда корневое родство слов «осязание» и «присяга» — оба от праславянского «сягати» (касаться, доставать). Присяга, собственно, и означала прикосновение к предмету клятвы — земле, сердцу, знамени, книге и т. д. Да и сегодня глава государства, вступая в должность, приносит присягу, кладя руку на текст Священного Писания или Конституции.

Дальнейшая судьба осязания в культуре Нового времени парадоксально связана с изменением понятий такта и тактичности. В современном обиходе они означают умение соблюдать дистанцию, не навязывать другому человеку своих мнений или эмоций, искусство обходительного обращения с людьми, т. е. обхождения их на расстоянии. Между тем слово «такт» в европейских языках происходит от латинского «tactus» — «прикосновение»; отсюда и понятие «тактильность». Что общего между «тактичностью» и «тактильностью»? Казалось бы, ничего. Но в том-то и дело, что тактичность изначально предполагает чувствительность, а значит, способность почувствовать другого посредством максимального сближения. Однако постепенно «тактичность» в современном смысле (который в английском языке прослеживается только с начала XIX века) отделилась от тактильности и противопоставила ей себя, как чувство дистанции. Чувствительность проявляется уже не в том, чтобы прикоснуться к ближнему, а в том, чтобы избегать таких прикосновений, держаться на почтительном, деликатном расстоянии. И лишь в любовных или дружеских отношениях тактичность и тактильность заново сближаются, как, например, в письме Генри Джеймса его другу Мортону Фуллеру: «Вы красивы, вы более чем тактичны, — вы нежны, волшебны тактильны...» (цит. по: [Kaplan 1992, p. 409]).

Безусловно, чувство осязания более, чем все остальные, продолжает отвечать за наше представление о физической реальности в противоположность иллюзии, галлюцинации. Можно не поверить своим глазам или ушам, — но трудно не поверить прямому прикосновению. «Неужели мне это не снится? Ущипните меня!» — такова вопросительно-восклицательная фразеология приведения себя в чувство, под которым понимается прежде всего осязание — «щипок». *Tango ergo sum* — осязаю, следовательно, существую. Мыслить (*cogitare*) можно и во сне, и в видениях, а вот щипок — это уже несомненная явь, начало пробуждения. Уход в онлайн — это уход человечества в коллективные сны, в творческие фантазии, в глубину «я» и «мы».

Рис. 2.

Fig. 2.

Источник: [Depositphotos 2021]

Я не говорю, что человечество всё перейдет в онлайн, просто эта среда со временем окажется все более привычной и продуктивной для развития собственно человеческих способностей. Никто ведь не мешает людям лазить по деревьям, но с определенного эволюционного момента им стало привычнее ходить по земле. Вот так со временем, вероятно, человеку естественнее будет входить в онлайн, чем выходить на улицу. Меня эта перспектива совсем не вдохновляет, все мы люди довирусной эпохи, «уличные». Но я не исключаю, что уже наши внуки и правнуки будут воспринимать нас как «допотопных», «старорежимных» — в чем-то завидовать нам, но и посмеиваться, недоумевать.

Я не сомневаюсь, что нынешняя пандемия будет преодолена, человечество застрахуется от новых вирусов, сохранит и даже грандиозно расширит свое жизненное пространство (освоение других планет и звездных систем). Но все-таки толчок от нынешней пандемии окажется достаточно мощным, чтобы колонизация и новый фронтир цивилизации передвинулись в глубь виртуальных миров. Можно относиться к этому с печалью или сарказмом, можно представить себе грядущих луддитов, разбивающих электронные терминалы, как когда-то они ломали чулочные станки. Но индустриальную революцию они не смогли предотвратить...

Сейчас пришло время интровертов. Исследования показывают, что экстравертам гораздо труднее переходить на дистанционную работу. Преподаватели-экстраверты, например, гораздо больше устают, когда общаются со студентами по зуму, а не в реале. Мне кажется, что «социальное дистанцирование» — на самом деле, оно физическое — способствует новым формам социализации, более тесному сближению людей. Интроверты, как известно, внесли не меньший вклад в развитие цивилизации, чем экстраверты. Перед лицом смертельного врага человечество, разделенное границами, карантинами, стенами, дверями, может внутренне объединиться, углубляясь в себя. Созревая, оно переходит от культуры шумных сборищ к культуре интроспекции и избирательной, точечной коммуникации. Я сейчас гораздо сильнее ощущаю человечество как единый организм, чем в «довирусную» эпоху массовых скоплений,

туристических потоков, спортивных экстазов. Мы все сидим по домам, мы в одинаковых условиях временной «капитуляции» перед общим «врагом рода человеческого», но благодаря этому нам легче почувствовать общность своей судьбы, уязвимость своего вида.

Многие эксперты провозгласили, что пандемия — это конец глобализации. В самом деле, государства отгораживаются друг от друга и даже от самих себя, разделяют карантинами свои территории. Но глобализация — это не только свобода передвижений по поверхности планеты, это и чувство принадлежности ко всему человеческому роду. Глобализация переходит из экстравертной стадии в *интровертную*. Столкнувшись с общей опасностью, не делающей национальных, этнических, религиозных различий, человечество становится *конкретной реальностью*, которая раньше нами ощущалась слабо и смутно. Все мы были членами каких-то организаций: наций, профессий, церквей, клубов; а человечество в целом воспринималось как некая абстракция («абстрактный гуманизм»). Теперь оно становится Организацией № 1 — не только потому, что первая по значимости, но и потому, что к ней можно принадлежать лишь в одиночку: в своих домах, путем самоизоляции.

В последние годы население томилось от «затяжного» мирного времени и жаждало «повторить», в воздухе было разлито ожидание какого-то надрыва. В результате нарастающего ядерного куража и шантажа усиливалось предчувствие неизбежности новой большой войны. И думалось: что может ее предотвратить? Что может сплотить человечество? Только нечто более чуждое всем нам, чем мы — друг другу. Не иначе как пришествие инопланетян...

А вместо них нагрянули вирусы. Они развязали новую мировую войну — первую, которая может объединить, а не расколоть человечество.

Оказывается, иные формы жизни тоже могут способствовать нашему объединению. Все человечество, вопреки физическому разъединению, слилось в одно «соборное» тело, противостоящее нашествию антропофагов, непостижимой форме *иной витальности*. Эти «иновитяне» страшнее инопланетян, ибо они с нами и внутри нас. Вирусы напомнили людям, что все они братья и сестры по легким, по сердцу, по кровеносным сосудам, и то, что нас сближает — сама жизнь в ее простейших основаниях, — несравненно важнее того, что разделяет нас.

Если бы испанка разразилась не в самом конце Первой мировой, а до ее начала, — могла бы она ее предотвратить? Может ли сама пандемия стать **биополитической вакциной**, предотвращающей гибель человечества?

Список литературы

- Кукрыниксы 1954 — Иллюстрации Кукрыниксов к рассказам А. П. Чехова [Электронный ресурс] : альбом / предисл. Н. Соколовой. М. : Изогиз, 1954. 92 с. URL: <https://polny-shkaf.livejournal.com/418954.html> (дата обращения: 11.03.2021).
- Depositphotos 2021 — Depositphotos [Electronic resource] : photobank. URL: https://ru.depositphotos.com/stock-photography.html?utm_source=direct.yandex.ru&utm_medium=cpc&utm_content=1944969194&utm_term=Depositphotos&utm_campaign=YD_RUS_RU_Brand_Search&yhid=28428659216107941 (access date: 11.03.2021).
- Kaplan 1992 — *Kaplan F. Henry James: The Imagination of Genius*. New York : Morrow, 1992. 620 p.
- Nöth 1995 — *Nöth W. Handbook of Semiotics*. Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 1995. 576 p.

References

- Depositphotos, photobank* (2021), available at: https://ru.depositphotos.com/stock-photography.html?utm_source=direct.yandex.ru&utm_medium=cpc&utm_content=1944969194&utm_term=Depositphotos&utm_campaign=YD_RUS_RU_Brand_Search&yhid=28428659216107941 (accessed 11 March 2021).
- Illyustratsii Kukryniksov k rasskazam A. P. Chekhova* [Illustrations by the Kukryniksy to the stories of A. P. Chekhov] (1954), Izogiz, Moscow, 92 p., available at: <https://polny-shkaf.livejournal.com/418954.html> (accessed 11 March 2021).
- Kaplan, F. (1992), *Henry James: The Imagination of Genius*, Morrow, New York, 620 p.
- Nöth, W. (1995), *Handbook of Semiotics*, Indiana University Press, Bloomington, Indianapolis, 576 p.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 16.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 17.04.2021

Информация об авторе

Эпштейн Михаил Наумович
профессор культуральной теории и русской литературы
Университет Эмори
30322 США, Джорджия, Атланта,
ул. Доуман Драйв, 201
E-mail: russmne@emory.edu
Авторский ORCID: 0000-0003-1544-837X

Information about the author

Epstein, Mikhail Naumovich
Professor of Cultural Theory and Russian Literature
Emory University
201 Dowman Drive, Atlanta, Georgia
30322 USA
E-mail: russmne@emory.edu
Author's ORCID: 0000-0003-1544-837X